

Я проснулась в темноте от запаха киски моей сестры-близнеца. Это случалось почти каждую ночь, результат двойной собачьей удачи, которую я потеряла несколько лет назад. Она всегда вставала посреди ночи, чтобы пописать, и моей задачей было вылизать ее дочиста, а потом продолжать лизать, пока она не кончит. Я дошел до того, что мне стали сниться сексуальные сны примерно в это время ночи, в предвкушении.

(Я получал свою очередь каждое утро, когда вставал, писал, а потом шел на ее сторону нашей кровати и шлепал своим членом по ее лицу, пока она не начинала его сосать. И не было ничего сексуальнее, чем моя сестра с сонными глазами и волосами, уложенными в постель, берущая меня в рот и напевающая нашу любимую песню).

Элли была красивой девушкой. У нее было подтянутое, стройное тело, и она прилагала усилия, чтобы поддерживать его в таком состоянии. Она никогда не отдавалась никому, кроме меня. Я несколько раз спал с ней, когда был моложе, но она была слишком ревнива. А правда заключалась в том, что никто не был лучше Элли в постели. Я помню, как я взял ее вишенку. Я помню все наши первые встречи. И она знала меня и могла играть на мне, как на скрипке.

Но сейчас она прижалась к моему лицу и запела на нашем личном языке, языке близнецов, который мы придумали в детстве. Сначала тихо, потом громче, чем обычно, возможно, потому что наша мать была в соседней комнате, а Элли всегда была громкой, когда знала, что мать может услышать, как мы трахаемся.

Когда мы занимались сексом, она использовала только одно двусмысленное слово "трахаться", но то, как она его произносила, тон, громкость и невнятность, говорило мне все, что я должен был знать о том, как доставить ей удовольствие. Это слово выглядело бы глупо, если бы я его написал, поэтому просто представьте, как она повторяет его, командуя, умолая: "Быстрее, вот так, сильнее, сильнее, о, черт, сейчас, сейчас, сейчас!".

Элли сильно кончила мне на лицо и намочила меня. Я слизывал ее, мои руки теперь были на ее заднице, вдавливая ее клитор в меня, качая головой из стороны в сторону, щелкая ее клитор своим языком, когда она переходила к вершине. Когда она закончила, она просто держала меня между ног некоторое время, а я снова вылизывал ее дочиста.

Она скатилась с меня, и мы затихли, прислушиваясь к маме. Когда мы жили дома, мы никогда не слышали ее через стену, но теперь, когда она жила с нами в квартире, мы слышали все.

Когда мама переехала, Элли оставила вибратор в ящике прикроватной тумбочки для гостей. Сегодня вечером мы уже второй раз слышали, как мама включила его. Как и в прошлый раз, мы оба были очень возбуждены и захихикали, услышав его жужжание. Затем, когда звук изменился, когда она поместила его в свою киску и начала стонать, я начал поглаживать свой член под мамины стоны.

Элли сказала: "Посмотри на себя! Поглаживаешь свой член, как будто трахаешь маму! Ты хочешь трахнуть ее, не так ли!".

Я сказал: "Ты знаешь, что хочу". Она все время дразнила меня за это.

Элли сказала: "Ну, я устала от твоего нытья по этому поводу, ты, маленький ублюдок, я дважды осмеливаюсь, чтобы ты был мужчиной и сделал это".

"Ты не сделаешь!"

"Нет, смею! Она перевернулась, убрала мою руку с члена и схватила его сама, смеясь и делая это официально: "Я дважды осмеливаюсь, чтобы ты трахнул маму до полуночи завтрашнего вечера!"

"Это чуть больше 24 часов! Ты что, спятил?"

Она засмеялась и схватила мои яйца другой рукой. "Нет, ты спятил! Ты знаешь, что хочешь этого. И это двойная собачья удаль".

Мы никогда не отступали от "двойной собачьей дерзости". И было трудно отговаривать ее, пока она сжимала мой член и яйца, а мама стонала в соседней комнате. Поэтому я начал договариваться: "Что я получу, когда выиграю?".

Она подумала несколько секунд, а потом сказала: "Ты можешь трахнуть меня в задницу".

Вот это да. Я и раньше трахал ее в задницу, но только в очень редких случаях. И она знала, что я люблю это, и использовала обещание этого, чтобы контролировать меня. Это было серьезное предложение. Что действительно заставило меня насторожиться.

"А что ты получишь, если я проиграю?"

Она просунула средний палец ниже моего шарового мешка, и я вздрогнул, когда она коснулась моей задницы: "Я получу, чтобы заколоть тебя".

Святое дерьмо. Я никогда не позволял ей делать это.

"У тебя нет strapon..." слабо оправдывался я и тут же пожалел об этом.

Она ввела кончик пальца прямо в мою задницу и сказала: "Я возьму тебя с собой, чтобы ты выбрал его".

Я не знал, что ответить. Потом мама начала кончать. Элли ввела палец в мою попку до конца и схватила член другой рукой.

Когда я сказал "да", я был весь в струях крови на своем животе и на ее руке.

И что теперь? У меня было всего несколько часов, и мне нужно было действовать быстро. Я не хотел ждать до утра, чтобы начать. Элли слизывала мою сперму со своей руки, когда я подошел и поцеловал ее. Она хихикнула и размазала немного по моему носу, что натолкнуло меня на мысль. Я потянулся к животу и вытер немного на щеке.

"Я лучше начну", - сказал я, вставая с кровати.

Я подошла к маминой двери и постучала: "Мам, ты в порядке?".

Я не стал ждать ответа, а просто ворвался внутрь, и света было достаточно, чтобы она увидела, что я полностью голый.

Она была в тени, но я видел, что она натянула одеяло до подбородка, и я предположил, что под ним она тоже голая и прячет фаллоимитатор. Ее телефон лежал на тумбочке и светился, как

будто она им пользовалась. Мне стало интересно, что она смотрит, когда мастурбирует.

Я был разочарован тем, что она была прикрыта. У мамы было очень стройное тело, но я никогда не видел ее полностью обнаженной, хотя купальники и нижнее белье давали мне все необходимые воображению картины. Она была миниатюрной, у нее была длинная тонкая шея и короткие рыжие волосы, маленькая грудь и широкие бедра, и идеальные ноги.

Я подошел и сел на край кровати. "Я слышал, как ты стонешь, тебе нужен ибупрофен?"

Она заикалась, совершенно растерянная и удивленная, и в конце концов придумала: "Мне просто приснился плохой сон, я в порядке, Билли, ложись спать".

"Я могу остаться здесь с тобой, пока ты не заснешь, мама". Я гладил ее волосы, пока говорил. Мы всегда были ласковы, но я никогда не был с ней таким смелым.

"Нет, Билли, возвращайся к Элли. Я буду в порядке".

"Хорошо, мама", - сказал я, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в щеку. Мой нос и щека все еще были липкими от моей спермы, которая была размазана там, и я постарался, чтобы часть ее потекла на ее лицо. Я надеялся, что она почувствует его, ощутит его запах, а после того, как я выйду из комнаты, возможно, попробует его на вкус.

Мой член был твердым, когда я уходил, и я стоял в силуэте в дверном проеме, чтобы убедиться, что она могла его видеть. "Сладких снов, мам".

"И тебе... и тебе, Билли".

Вернувшись в нашу спальню, Элли уже проснулась и хотела знать, что произошло.

"Я трахнул ее, я победил". соврал я.

"Чушь!" - засмеялась она. "А когда ты это сделаешь, мне понадобятся доказательства. Я должна слышать удары и крики".

"Покажи мне", - сказал я, забираясь на нее сверху и раздвигая ее ноги. Мой твердый член искал место для игры.

"Тебе лучше приберечь немного для мамы", - сказала она. Но она приподнялась на каблуках, закинула ноги мне на плечи и позволила мне войти в себя. Губы ее киски все еще были липкими, но когда я скользнул в нее, она была как мокрый шелк. Я никогда не уставал трахать свою сестру.

Я делал это медленно, пока она не начала двигаться вместе со мной, а затем против меня, толкаясь сильнее. Я подражал ее движениям, пока не понял, что уже близок к этому, а потом просто начал долбить, зная, что она кончит вместе со мной. Она снова начала кричать, и пока она кончала, и я кончал, мои мысли были о маме, которая слушала в соседней комнате, уверенная, что она снова кончает вместе с нами.

Тогда я рухнул внутрь сестры, и она скатила меня с себя, когда я сжался в ней. Мы оставили беспорядок и проспали остаток ночи, завернувшись друг в друга, измученные.

Я не хотел пропускать наш утренний ритуал, поэтому, когда я проснулся и вернулся из ванной, я, как обычно, шлепнул ее по лицу своим членом, но я должен был признать, что он был не таким твердым после всего того, что мы делали посреди ночи. Элли проснулась и взяла меня в рот, но ей пришлось снова вынуть мой член, потому что она засмеялась: "О, тебе придется стать тверже, чем это! Похоже, у меня сегодня выходной!"

"Пошла ты", - сказал я, но тоже захихикал. Я решил пойти принять душ и одеться, и не искушать себя больше этим утром с сестрой. И тут у меня возникла идея: "Двойной или ничего", - сказал я.

"Что?"

"Мы больше не трогаем друг друга до тех пор, пока я не трахну маму. Даже если я не уложусь в 24 часа. Но как только я это сделаю, я смогу трахать твою задницу в любое время, когда захочу".

Она подумала об этом и сказала: "Но что, если она никогда не позволит тебе трахнуть ее? Мы никогда больше не прикоснемся друг к другу?"

"Я буду трахать ее. Позволит она мне или нет".

Глаза Элли вспыхнули. Как будто идея изнасиловать маму возбуждала ее еще больше. И она знала, что при таких высоких ставках я сделаю все, что потребуется.

Поэтому она спросила: "Что мне за это будет?".

Я знал единственное, что я мог предложить: "Если я не выиграю время, ты сможешь снять меня, когда захочешь".

Ей даже не пришлось думать об этом: "По рукам!".

Теперь мы оба были так возбуждены, что нам было еще труднее держаться на расстоянии. Я развернулся и побежал обратно в ванную: "Я сейчас принимаю душ, так что держись от меня сегодня подальше!".

Она все еще смеялась, когда я включил воду.

Завтрак с мамой, и все делали вид, что все в порядке. Мама уже много лет назад смирилась с моими отношениями с Элли, но с тех пор, как мы переехали к нам, она все еще не привыкла к тому, как откровенно мы проявляем свою сексуальность в собственном доме. В основном она просто смотрела в другую сторону и ничего не комментировала. И особенно сегодня утром она не смотрела мне в глаза. Но я подошел к ней сзади, пока она готовила яичницу, и обнял ее сзади, обхватив руками и слегка приподняв нижнюю часть ее груди. Она замерла на секунду, а потом растаяла, когда я зарылся лицом в ее волосы. Она приняла душ и пахла свежими ягодами.

"Мне нравится, как ты пахнешь, мама".

"Спасибо, Билли".

Мы с Элли всегда говорили на языке близнецов прямо при маме. Мы могли говорить все, что

хотели, а мама просто игнорировала нас. Она никогда не жаловалась на это.

Так что после завтрака мы все еще сидели, когда Элли спросила меня на языке близнецов: "Так во сколько сегодня ты собираешься изнасиловать маму?".

<http://erolate.com/book/2922/69758>